Камила Левитан ✦ Анна Сорока

Развод с предателем.

Ты оставил нас умирать, но теперь потеряешь все!

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Анна Сорока

Развод с предателем. Ты оставил нас умирать, но теперь потеряешь всё!

«Автор»
2026

Сорока А.

Развод с предателем. Ты оставил нас умирать, но теперь потеряешь всё! / А. Сорока — «Автор», 2026

Муж назвал нашего больного сына обузой и выставил нас за дверь в двадцатипятиградусный мороз. Он забрал квартиру, деньги и надежду на лечение. А я осталась с чемоданом, ребёнком на руках и одной мыслью: только бы Тимур выжил.Неожиданную помощь предложил Артём — суровый владелец лесного бизнеса, который не привык спасать людей бесплатно. В обмен на крышу над головой мне придётся распутать опасные финансовые махинации.Но следы ведут прямо к моему мужу и его любовнице. Теперь я знаю, как разрушить их благополучие.Вот только сумею ли защитить сына, вернуть себе жизнь и поверить мужчине, который скрывает собственные тайны? И снова полюбить?

© Сорока А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 17
Глава 5 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Камила Левитан, Анна Сорока
Развод с предателем. Ты оставил нас умирать, но теперь потеряешь всё!

Глава 1

Я стояла у плиты, помешивая суп для Тимура. В воздухе витал запах курицы и лаврового листа — самый безопасный аромат в мире. Если Тимур съест хоть полтарелки и уснёт, завтра мы поедем к врачу. Завтра будет лучше, чем сегодня. Это была ложь, которой я кормила себя три года, но в этот вечер она пахла наваром.

Входная дверь врезалась в стену с таким грохотом, что крышка кастрюли подпрыгнула. Дмитрий был пьян, но не до потери сознания — до той степени ясности, которая делает человека опасным зверем. Его глаза блестели лихорадочно, а галстук съехал на бок, как удавка. Он даже не снял пальто. Просто швырнул на стол пачку бумаг, которые разлетелись веером, задев тарелку с хлебом. Хлеб упал на пол, в крошки.

— Подпиши, — его голос был хриплым, с наждачной ноткой. Он уже смотрел, где я должна расписаться.

Я замерла с половником в руке. Суп начал остывать, покрываясь жирной плёнкой.

— Дима, давай обсудим это утром. Ты знаешь, что я не читаю документы вслепую. Особенно такие. Мы договаривались...

Его реакция была мгновенной. Дмитрий рванул меня за плечо. Я потеряла равновесие, больно ударившись коленями о холодный кафель. Половник выскользнул из пальцев, ударился о край кастрюли и упал. Горячий бульон брызнул мне на руку, обжигая кожу, но я даже не вздрогнула. Страх заглушил физическую боль.

— «Завтра» уже наступило, Верочка, — он навис надо мной, и я почувствовала перегар, смешанный с дорогим парфюмом Кристины. Он всегда пах ею после работы. Раньше я думала, что это совпадение. Теперь я знала правду. — Для меня завтра — это день, когда я наконец избавлюсь от балласта. Подпиши или я заставлю тебя написать своей кровью. Буква за буквой.

Я подняла голову, чувствуя, как дрожат губы.

— Здесь написано, что я отказываюсь от всего имущества. От квартиры, от машины, от накоплений. Ты хочешь оставить нас нищими? Ради чего? Чтобы твоя любовница родила тебе наследника в чужой постели?

Его лицо исказилось. Не от стыда. От ярости. Он схватил телефон со стола и включил громкую связь. Экран светился зеленым индикатором вызова. Голос Кристины полился из динамика, сладкий и тошнотворный:

— Димочка, ты уже разделался с этой старой каргой? Я тут смотрю на её фото в соцсетях... бедняжка, у неё такой жалкий вид. Как думаешь, где она будет греться зимой? У батареи? Или под мостом? Ха-ха-ха!

Смех Кристины резанул слух. Я потянулась к телефону, пытаясь нажать кнопку отбоя. Мне нужно было прекратить это унижение. Тимур спал в соседней комнате, и любой шум мог разбудить его, а ему нельзя нервничать.

Дмитрий перехватил мою руку. Его пальцы впивались в мои костяшки, скручивая их так, что суставы хрустнули. Боль была острой, чистой. Он притянул меня ближе, прижимаясь губами к моему уху. Его дыхание обжигало.

— Слушай внимательно, жена. Это твоя новая реальность. Ты больше никто. Ты пустое место. И ты будешь слушать этот смех, пока я не разрешу тебе дышать.

Из спальни донёсся тихий стон. Потом скрип кровати.

— Папа? — тоненький голосок пробился сквозь гул крови в моих ушах.

Дмитрий резко отпустил мою руку, словно она была грязной. Я рухнула на пол, растирая окровавленные пальцы. В дверном проеме стоял Тимур. Ему было пять лет, но выглядел он на два года меньше. Бледное лицо, темные круги под глазами, худые ключицы, выпирающие из-под футболки. Он зябко ёжился, хотя в квартире было тепло. На лбу блестел пот; сына опять знобило.

— Мам, холодно, — сказал сын, делая шаг вперед. Его ноги дрожали.

Метнулась к сыну, подхватила его под мышки и заслонила собой от отца. Сквозь ткань пижамы жгла горячая кожа.

— Дима, пожалуйста, просто дай нам одеться. Он больной. Ему нужно сбить температуру. Нужны лекарства. Ты же отец!

Дмитрий скривился, как над моими счетами за лекарства: опять расходы. Лишняя статья бюджета.

— Убирайте этого инвалида отсюда, — процедил он сквозь зубы. — Мне не нужны лишние рты. Я строю новую жизнь. Чистую. Без болезней и без слабости. А ты... ты слишком много просишь.

Он толкнул меня плечом. Сильно. Так, что моя голова ударилась о стену рядом с выключателем. Звон в ушах сменился тишиной. Перед глазами поплыли черные пятна. Тимур закричал — коротко, испуганно. Я лежала на полу, чувствуя металлический привкус во рту. Губа раскроилась. Кровь текла по подбородку, капая на ковёр.

Я медленно поднялась, шатаясь. Голова кружилась. Дмитрий стоял рядом, а я впервые не пыталась угадать по его лицу, как его успокоить. Нужно забрать Тимура.

Схватила старый дорожный чемодан, который стоял в углу гостиной. Там были самые необходимые вещи: пара теплых свитеров, его любимая игрушка-медведь. Больше ничего не было времени собирать.

Дмитрий уже говорил по телефону, отвернувшись к окну. Говорил с юристом, уточнял сроки передачи документов. Он не обращал на нас внимания. Тимур вцепился в мою руку, а Дмитрий даже не обернулся.

Я направилась к прихожей, ведя Тимура за руку. Он молчал, только часто-часто дышал. Его маленькие пальцы были ледяными.

— Куда ты идешь? — спросил Дмитрий, не оборачиваясь.

— В дверь, Дима. На улицу, — ответила я, придерживая Тимура. — Там мороз. Дай нам хотя бы одеться.

Он резко повернулся.

— Стоять. Ключи от сейфа. Где наличные? И золото моей мамы. Ты думала, я забыл? Там было около миллиона. Эти деньги принадлежат мне. Это семейный капитал.

Я остановилась. В голове всплыла мысль: эти деньги были моим страховочным вариантом. На случай экстренной операции для Тимура. Кардиолог говорил, что если состояние ухудшится, счетчик жизни пойдет на дни. Без этих денег сын умрет до весны.

— Нет, — сказала я. Слово вышло тверже, чем я ожидала.

Дмитрий подошел ближе. Его лицо было искажено алчностью.

— Ты смеешь спорить? После того, как я дал тебе шанс уйти тихо? Отдай ключи, Верка. Или я сделаю так, что ты никогда не найдешь работу. Ни одну. Даже мыть полы в уборной.

— Без этих денег Тимур умрёт до весны, — произнесла я, глядя ему прямо в глаза. — Ты хочешь убить своего ребёнка ради комфортного начала с Кристинкой? Ты чудовище, Дима.

Его глаз дёрнулся. Он достал телефон, быстро пролистал экран и показал мне видео. На записи было видно, как он перетаскивает файлы из одного окна в другое.

— Посмотри, детка. Все счета закрыты вчера вечером. Переведены на подставную фирму. Квартира переоформлена на Кристину по дарственной. Нотариус уже получил свою долю. Ты юридически не существуешь. Ты никто.

Я полезла в карман куртки за своим телефоном. Нужно было вызвать полицию. Хотя бы зафиксировать факт насилия.

Но Дмитрий был быстрее. Он выбил телефон из моей руки. Корпус со звоном отскочил от стены и упал на пол. Дмитрий наклонился и раздавил его каблуком дорогого ботинка. Пластик хрустнул, экран рассыпался на осколки.

— Кто поверит нищей бабе против меня? — он усмехнулся. — Ты даже адрес не знаешь, куда тебя выселяют. Тебя нет в системе. Ты призрак.

Он схватил мой чемодан и швырнул его в открытую входную дверь. Чемодан грохнулся в подъезд, раскатываясь по плитке.

— Прочь.

Подхватила Тимура на руки. Лёгкий, слишком лёгкий. Шагнула к двери, надеясь хотя бы захватить куртку сына, которая осталась на вешалке в прихожей.

Дмитрий преградил путь. Он не бил меня. Он просто стоял, как скала, блокируя проход.

— Куртка, Дима. Пожалуйста. Ему минус двадцать пять на улице.

— Забирай своё дерьмо и вали. Быстро! — он рявкнул так, что Тимур заплакал беззвучно, пряча лицо в моем плече.

Я сделала рывок в сторону, пытаясь проскользнуть мимо него. Но он поймал меня за запястье и оттолкнул назад. Я споткнулась о порог и вывалилась в подъезд. Чемодан уже лежал в подъезде.

Дмитрий захлопнул дверь перед моим носом. Щелчок замка прозвучал как выстрел. Потом ещё один щелчок. Он запер нас снаружи.

Мы оказались в темном, холодном коридоре девятиэтажки. Лампочка над головой мигала, готовая погаснуть. Из-за двери доносился приглушенный смех. Потом голос Кристины, звонкий и победный:

— Ой, Дима, там кто-то мяукает? Как котёнок? Может, впустим его погреться?

Я ударила кулаком в дверь. Один раз. Второй. Третий.

— Дима! Он замёрзнет! Открой!

Тишина. Потом звук удаляющихся шагов и смех. Они ушли в квартиру. Оставили нас здесь.

Холод подъезда проникал под одежду. Минус двадцать пять снаружи, плюс два здесь, но сквозняк пробирал до костей. Я опустилась на колени, открывая чемодан. Руки дрожали. Я доставала тёплый свитер, натягивала его на Тимура поверх пижамы. Он не плакал. Он просто смотрел на меня огромными, испуганными глазами, в которых отражалась вся моя беспомощность.

Я прижала его к себе, пытаясь согреть своим телом. Его кисти были ледяными, хотя затылок всё ещё обжигал мне подбородок. Пальцы в моих ладонях синели. Я растирала их, а они оставались холодными. Это конец. Мы умрем здесь. Прямо сейчас. На этом грязном кафельном полу.

За дверью опять засмеялись. И я больше не хотела, чтобы Дима обнял меня, протрезвел, попросил прощения. Хотела, чтобы он заплатил. Ярость. Холодная, расчетливая, как сама зима. Если я выживу, если Тимур выживет... Дмитрий пожалеет. Он пожалеет каждый день своей жизни. Он будет помнить этот звук — щелчок замка.

Я подняла голову, чтобы осмотреться. В конце длинного, темного коридора, ведущего к лестнице, стоял силуэт. Высокий мужчина в дорогой, объемной шубе цвета графита. Он медленно шел к нам, меряя шаги, и смотрел не на меня, не на ребенка. Его взгляд цеплялся за часы на запястье. Будто ждал, что мы опоздаем на встречу.

Тимур издал тихий стон, и его тело обмякло в моих руках.

Я перехватила обмякшего Тимура под спину, прижала к груди. Поднялась с колен, цепляясь плечом за стену. Мужчина в графитовой шубе был уже рядом.

— Вызовите скорую, — выдохнула я. — Сыну плохо.

Он посмотрел на Тимура, потом опять на часы.

— Я опаздываю. Отойдите от лифта.

Пришлось шагнуть в сторону, чтобы он не задел сына. Мужчина нажал кнопку, проскользнул в открывшуюся кабину. Двери лифта сомкнулись с таким звуком, будто мне в лицо шлепнули мокрым полотенцем. Ещё секунду держался запах дорогой кожи. Потом остались плесень и чья-то тухлая шаурма.

Глава 2

Я привалилась спиной к холодному металлу лифтовой двери. За квартирной дверью Дмитрия стих смех. Он был в нескольких шагах от нас, в тепле. И я уже знала, что обратно он не выйдет.

— Мам? — голосок Тимура дрогнул. Он висел у меня на руках, горячий, как печка. Температура била через куртку, прожигая ткань.

— Тихо, малыш. Тихо.

Я потянулась к карману за ключами. Пальцы скользнули по пустоте. Сердце пропустило удар, потом другой. Дмитрий не просто выгнал нас. Он забрал всё. Ключи от квартиры, которую я обустраивала три года, выбирая каждый валик обоев, пока он спал после командировок. Теперь это была его крепость, а я — прокаженная.

Внутри дома было тепло. Я помнила его за запертой квартирной дверью. Там лежали мои зимние сапоги. Там лежал разбитый Дмитрием телефон. Здесь сквозняк, а на улице минус двадцать пять, и мой сын начинает задыхаться.

Я достала свой старый смартфон, который оставила в сумке случайно. Экран треснул, но работал. Набрала номер Дмитрия. Гудки. Длинные, мучительные гудки. Потом тишина. Перезвонила. Сбросили. Третий раз — «абонент недоступен».

Он отключил телефон. Даже выслушать меня не собирался.

Тимур закашлялся. Этот звук рвал мне горло изнутри. Хриплый, мокрый лай. Я посмотрела на часы. Восемь вечера. Завтра будет еще хуже.

Поднялась на этаж выше. К соседке сверху, Галине Петровне. Мы вместе ходили в магазин, она давала мне рецепты варенья. Наверняка она впустит меня хотя бы позвонить. Или одолжить плед. Ребенок замерзал прямо сейчас.

Нажала на дверной звонок. Никто не ответил. Позвонила снова. Долго. В глазке мелькнул свет. Цепочка заскрежетала, дверь приоткрылась на ладонь.

Галина Петровна выглянула, щурясь. Её лицо было каменной маской.

— Чего тебе, Верка?

— Галя, пусти. Тимуру плохо. У него температура сорок. Дай телефон или плед. Пожалуйста.

Она оглядела меня: тонкое пальто, чемодан, бледное лицо сына. Взгляд скользнул по нам, как по грязной обуви, которую нужно счистить с порога.

— Дима звонил. Сказал, ты истеричка. Скандалистка. Что ты угрожаешь ему ножом и хочешь убить. Не пущу тебя в дом, Верка. Иди к черту, пока полицию не вызвала.

Щелчок замка. Ещё один замок. Она закрыла дверь перед моим носом так быстро, что сквозняк ударил в глаза.

Истеричка. Слово повисло в воздухе, тяжелее мороза. Дмитрий не просто ушел. Он подготовил почву. Он уже переписал историю нашей жизни для тех, кто видел нас снаружи. Для них я теперь сумасшедшая жена, а он — жертва семейного насилия.

Стыд жег сильнее холода. Я хотела кричать, ломиться в дверь, но тело отказывалось слушать. Страх быть выданной полиции, если они придут и увидят больного ребенка и голодную мать, парализовал волю.

Я тащила чемодан к остановке. Колеса скрежетали по асфальту, оставляя черные следы в снежной каше. Каждый метр давался ценой разрыва мышц спины. Тимур сползал с моих рук, его ноги болтались в воздухе.

На остановке стояло одно такси. Водитель, толстый мужик в меховой жилетке, курил, выпуская сизые облака.

— Такси! — мой голос сорвался на визг.

Он даже не повернул головы. Посмотрел боковым зрением, оценил картину: одна женщина, маленький ребенок, огромный чемодан, нищий вид.

— Куда едем? — спросил он лениво.

— До вокзала. У меня немного наличных. Хватит?

Он усмехнулся. Показался золотой зуб.

— Барышня, у меня счетчик. А у тебя вид такой, будто ты последнюю копейку на хлеб просить будешь. Нет предоплаты — нет поездки. И в такую погоду мне эту грязь отмывать потом неохота.

Я полезла в карман куртки. Нашла мелочь. Сто рублей. Может, двести.

— Возьмите все. Прошу вас.

Таксист хмыкнул, затянулся сигаретой и сел обратно. Машина уехала, брызнув мне в лицо снежной жижей.

Я осталась одна. Тишина города стала оглушающей. Только вой ветра в проводах и кашель Тимура.

Нужно было куда-то ехать. План Б. Бабушка. Деревня под Уралом. Старый дом, печка, молоко, тишина. Там мы переживем зиму, пока я не найду работу.

У киоска с шаурмой горел свет. Продавщица, молодая девчонка с ярким маникюром, сидела в телефоне. Я подошла, чувствуя себя преступницей.

— Извините. Можно позвонить бабушке? Телефон сдох.

Девчонка подняла глаза, оценивающе глядя на меня.

— Пятьдесят рублей.

На поездку не хватило бы и всей мелочи. Тратить её на звонок я боялась. Была шоколадка, которую Тимур сунул в карман утром, когда выходил из дома. Я протянула её.

— Вот. Возьми. Просто пять минут.

Она взяла шоколадку, развернула, надкусила. Я ждала, глядя на её телефон. Наконец она протянула его мне.

Я набрала номер бабушки. Руки дрожали так, что клавиши слипались.

— Алло? — голос бабушки, тихий, старческий.

— Бабуль, это я. Вера. Слушай, мы едем к тебе. С Тимуром плохо. Нам нужна крыша.

Тишина на другом конце провода длилась вечность.

— Внученька... — начала она, и в её голосе прорезалась растерянность. — Я... я всё продала.

Кровь отлила от лица.

— Что значит «продала»?

— Дима приезжал. Месяц назад. Сказал, что ты в беде, что у Тимура рак, нужны деньги на лечение в Израиле. Он показал какие-то бумаги, справки... Я испугалась. Подписала дарственную на дом. Новый хозяин уже заехал.

Мир качнулся. Дмитрий действовал методично. Он не просто бросил нас сегодня. Он готовился месяцами. Выжимал из бабушки последние сбережения, используя страх за внука как рычаг. Дом, моя единственная опора, моя безопасная гавань, больше не существовал. Его не было.

Я положила трубку. Продавщица смотрела на меня с любопытством.

— Ну как?

— Всё, — сказала я. И пошла.

Не знаю, как мы добрались до вокзала. Ноги не чувствовали холода. Сознание сузилось до точки боли в груди. Тимур перестал плакать. Он просто висел на мне, вялый, как тряпичная кукла.

Здание вокзала возвышалось перед нами, огромное и равнодушное. Внутри было шумно, душно, пахло мочой и жареными пирожками. Толпа людей текла рекой, и никто не обращал внимания на женщину в тонком пальто с ребенком на руках.

Я упала на скамейку в зале ожидания. Тимур съехал с колен; я подхватила его у самого пола и уложила вдоль скамейки. Его глаза закрылись. Кожа стала серо-синей.

— Тимур! Тимур, открой глаза!

Я трясла его за плечи. Он не реагировал. Температура была запредельной.

Вокруг меня выросли люди. Мужики в ушанках, бабы с авоськами. Они смотрели на меня, как на экспонат в музее бедности.

— Идиотка, — шипела какая-то женщина. — В такую погоду гулять. Ребенка угробит.

— Полицию надо вызвать, — говорил другой, куря прямо в зале.

Но никто не двигался. Никто не хотел связываться с «городской истеричкой», которая могла оказаться наркоманкой или проституткой. Их презрение было физически ощутимым, как слой пыли на столе.

Я обхватила ладонями лицо Тимура. Он даже не повернул голову. Хотелось крикнуть кому-нибудь из этих людей: ну позвоните же, у вас есть телефоны! Но из горла выходило только его имя, всё тише. Под нами холодела пластиковая скамейка.

Тень накрыла меня. Резкая, тяжелая. Запахло дорогой кожей, табаком и озоном.

Я подняла голову. Передо мной стоял мужчина. Высокий, широкий в плечах. Куртка цвета хаки, практичная, без лишнего декора. Лицо жесткое, скулы острые, как лезвия ножа. Глаза серые, холодные, без капли жалости.

Незнакомец. Я не знала его имени, но чувствовала его опасность всем телом. Как зверь чувствует приближение другого хищника.

Он не спросил разрешения сесть. Он просто встал напротив, загораживая собой весь зал. Посмотрел на Тимура. Потом на меня.

— Скорая не едет сюда в такую метель, — сказал он низким, бархатным голосом, который резал слух своей властностью. — Пробки. Заторы. Ваш сын умрет до утра.

Его слова были не сочувствием. Это был диагноз. Приговор.

— Помогите... — прошептала я. Горло перехватило спазмом.

Мужчина присел на корточки, проверяя пульс Тимура. Его пальцы были большими, грубыми, но движения точными. Он не отдернул руку.

— У меня есть машина с печкой, — продолжил он, не глядя на меня. — И врач, с которым можно связаться круглосуточно. Либо вы идете со мной сейчас же, либо я ухожу, и вы хороните ребенка завтра. Выбор за вами.

Он уже смотрел на выход. Ещё секунда — и пойдёт к своей машине, а я останусь с Тимуром на скамейке.

Я посмотрела на его глаза. Там не было доброты. Там был расчет. Он оценивал меня как ресурс, как вещь, которую можно взять или оставить.

Но у меня не было выбора.

— Я пойду, — сказала я. Голос дрогнул, но слова вышли четко.

Артём кивнул. Одно короткое движение подбородком. Он подхватил Тимура одной рукой, легко, как котенка, и второй схватил мой чемодан.

Мы вышли на улицу. Ветер бил в лицо. Артём открыл дверцу черного внедорожника, огромного, как танк. Печка гудела внутри, распространяя запах кожи и пластика.

Он посадил меня на заднее сиденье, положил Тимура мне на колени. Сам сел за руль. Двигатель взревел, вибрация прошла сквозь кости.

Машина рванула в темноту. Мы не ехали в больницу. Мы не ехали в отель. Артём свернул на проселочную дорогу, ведущую в лес.

Через полчаса мы остановились у подмосковного здания, похожего на контору лесхоза. Окна были темными, только одно горело желтым светом. Вывеска: «Сосновый бор».

Артём заглушил мотор. В тишине было слышно только тяжелое дыхание Тимура. Из конторы вышел вызванный им врач с сумкой. Осмотрел сына прямо в тёплом салоне, оказал помощь и задержался, пока Тимур не пришёл в себя. Когда врач ушёл, сын уже спал, дыша спокойнее, а я всё держала ладонь у его лица.

— Ты бухгалтер, — сказал он. Не вопрос. Утверждение.

Я вздрогнула. Откуда он знал? Мои документы? Он проверил их, пока я была в беспамятстве?

— Да, — ответила я осторожно.

— Хорошо. Мне нужен человек, который сможет разобрать завалы в архиве за две недели. Оплата — крыша над головой, отопление, лекарства твоему сыну. И работа. Если откажешься — я высажу вас на трассе.

Он повернулся ко мне. В свете приборной панели его лицо казалось высеченным из камня.

— Артём, — коротко представился он. — Я не благотворитель, Вера. Я использую отчаяние как топливо. Ты должна работать. Много. Без вопросов. И запомни одну вещь.

Глава 3

Он наклонился ближе. Запах его одеколона — древесный, терпкий — заполнил салон. Опасность сместилась. Теперь угроза исходила не от холода, а от этого человека, ставшего моим единственным спасителем. Долг, который я получала, стоил мне свободы.

— Если твой бывший муж появится здесь хоть на горизонте, — тихо произнес Артём, глядя мне прямо в зрачки, — я сломаю ему ноги. А тебе лучше молчать. Твой сын спит. Теперь твоя очередь работать.

Он вышел из машины, хлопнув дверью. Оставил меня в тепле, в безопасности, в ловушке.

Я посмотрела на свое отражение в темном стекле окна. Женщина с растрепанными волосами, синяками под глазами, с больным ребенком на коленях. Теперь этому человеку нужно будет платить. И я даже не знала, сколько.

Свет в офисе мигнул и погас.

К утру Тимур опять дышал со свистом, как старый чайник на плите. Этот звук впивался мне в виски сильнее, чем рев турбин самолета или гудок поезда. Мы стояли в огромном зале ожидания вокзала Москвы, и вокруг нас текла река чужих жизней: командировочные с ноутбуками, семьи с горными лыжами, солдаты-срочники. А мы с Тимуром были здесь лишними. Чужими. Прошлым веком.

Из подмосковной конторы Артём отправил нас в такси обратно на вокзал, сунул в руку два билета в плацкарт и сказал только одно: «Не опоздай». Ни денег на еду, ни запасной карты, ни даже слова «держись». Только холодный приказ выжить.

Я прижала к себе чемодан — единственное, что осталось от нашей жизни в городе. Внутри лежали подгузники, лекарства и три пары носков. Всё остальное Дмитрий забрал вместе с ключами от квартиры. Он оставил меня на морозе с пятилетним ребенком, у которого температура была тридцать девять и пять.

— Девушка, быстрее! — толкнул меня локтем какой-то мужик в пуховике. Его лицо было красным от ветра, а глаза злыми. — Тут очередь, а не твой дом отдыха!

— У моего сына жар, — прошептала я, пытаясь протиснуться к окошку кассы для возврата и переоформления. Мне нужно было обменять верхние места на нижние: Тимур начал задыхаться, и наверх я его не подняла бы. Но система зависла. Экран мигнул черным, потом белым, и снова стал синим. Очередь за моей спиной зашипела, как разбуженный улей.

— Идиотка! — крикнула женщина в меховой жилетке. — Из-за тебя все стоим!

— У вас нет денег? — спросила она, заметив, как я шарю в кармане куртки Артёма. Там был только телефон и пачка салфеток. Я покачала головой. Горло перехватывало спазмом стыда. В прошлой жизни, когда я была женой владельца «ДомСтроя», я никогда не считала копейки перед покупкой билета. Теперь каждый рубль был вопросом жизни и смерти.

Касса оживилась, но оператор, уставший мужчина с мешками под глазами, посмотрел на меня так, будто я просила миллион.

— Нижних мест на сегодня нет. На завтра есть, в шесть утра. Ваши верхние оставляем или сдаёте?

— Завтра ему станет хуже, — голос дрогнул, превращаясь в хрип. — Пожалуйста. Хотя бы место в общем вагоне. Или... или дайте мне воду. Просто стакан воды.

Он отвернулся. За его спиной висело объявление: «Продажа воды в буфете». Буфет был в другом конце зала, где пахло жареным мясом и дешевым кофе. У меня не было ни сил, ни денег идти туда. Тимур схватил меня за рукав, его пальцы были ледяными.

— Мама, больно, — всхлипнул он. — Горло дерет.

В этот момент кто-то брезгливо отодвинул мой чемодан ногой. Женщина в пуховике шепнула своей подруге достаточно громко, чтобы я услышала:

— Гадина какая, тащит заразу в общественное место. Надо звонить в полицию.

Я придвинула чемодан к своей ноге, подальше от чужих ботинок. Хотела попросить эту женщину помочь, но она уже отвернулась. Прижала Тимура крепче: ни сойти с места, ни ждать здесь дальше я не могла.

Мы сели в поезд только через час, после того как я буквально умоляла дежурную по станции, показывая ей медицинскую карту Тимура. Она вздохнула, поморщилась, как от зубной боли, и нашла нам нижние места в другом вагоне. Не купе. Плацкарт. Шум, сквозняк, чужие ноги над головой.

Поезд тронулся. Механический толчок сотряс кости. За окном потянулись огни города, которые казались такими далекими, почти нереальными. Там осталась моя жизнь. Здесь начиналась война за существование.

Ночью в вагоне погасили свет. За перегородкой храпел сосед, колёса стучали на стыках. Тимур уснул, но сон его был тревожным. Он вздрагивал, стонал, хватал воздух ртом. Я гладила его по спине, чувствуя, как кожа обжигает пальцы. Жар не спадал. Ему нужна была вода. Обычная, теплая вода для компресса и питья.

Я тихо встала, стараясь не потревожить ушибленное колено, и пошла к тамбуру. Там сидел проводник, читая газету.

— Простите, — начала я, но голос сорвался.

Он поднял голову. Лицо было жестким, непроницаемым.

— Чего надо?

— Воды. Для ребенка.

— Бутылка воды — пятьдесят рублей.

— У меня нет денег.

Он фыркнул, возвращаясь к чтению.

— Тогда терпи. Я за тебя из своих платить не буду.

Я вернулась в вагон, чувствуя, как внутри всё холодеет от бессилия. Соседи спали. Тихое сопение, запах пота и дешевого табака. Я села на свою нижнюю полку, обхватив колени руками. Как же низко я пала. Когда-то я могла купить весь этот вагон. Сейчас я не могу получить стакан воды.

И тут я услышала шорох. Кто-то подходил к нашему отсеку. Шаги были тихими, но уверенными. Я замерла, инстинктивно придвигаясь ближе к сыну. В темноте мелькнула тень. Рука метнулась к моему рюкзаку, который лежал под подушкой. Там были документы. Паспорт. Свидетельство о рождении Тимура. Без них я была никем.

Я ударила по этой руке. Больно, всей силой отчаяния.

— Не трогай! — зашипела я.

Мужчина отдернул руку, выругавшись матом.

— Дура, тише будешь! — прошептал он злобно.

Я запихнула рюкзак глубже под подушку и прижала локтем. Он тянул именно его. Ещё немного сна — и я осталась бы без паспорта и свидетельства Тимура, не зная даже, на какой станции искать этого человека.

Я прижалась к Тимуру, боясь дышать. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Мысли путались. Артём. Его предупреждение. «Если бывший появится...» Но это был не Дмитрий. Это был случайный грабитель. Или нет? Может, Дмитрий нанял кого-то? Откуда он знал маршрут? Я не говорила никому. Кроме...

Внезапно поезд резко затормозил. Свет в вагоне мигнул и погас окончательно. Стало темно, как в гробу. Воздух мгновенно стал холоднее. Сквозняк из окна пробирал до костей.

— Метель, — пробормотал сосед сверху. — Завалило пути. Стоим.

Температура падала. Дети в соседних отсеках начали кашлять. Хор кашля заполнил вагон, нарастая, как приливная волна. Тимур застонал, пытаясь свернуться клубком. Я накрыла

его своим телом, чувствуя, как холод проникает сквозь ткань куртки. Мы одни. Никто не поможет. Никто не знает, что мы здесь.

В этой темноте, в этом холоде, в ожидании смерти, мой телефон завибрировал. Один раз. Коротко.

Я достала его, спрятав экран от посторонних глаз. Сообщение.

От номера, который я удалила ещё до последнего скандала.

Дмитрий.

«Подписала? Суд будет утром. Ты потеряешь сына навсегда, если не согласишься на мои условия. Деньги на счет придут после подписания. Выбор за тобой. Жду ответа до рассвета».

Голос мужа звучал в голове, как яд. Он не спрашивал, жив ли ребенок. Не интересовался температурой. Ему нужны были бумаги. Раздел имущества. Чтобы я осталась нищей. Чтобы он мог жениться на Кристине, которая уже звонила ему на громкую связь, смеясь над «старой каргой».

Я посмотрела на экран. Палец завис над кнопкой «Ответить». Соблазн был велик. Подписать. Получить деньги. Вызвать скорую. Спасти Тимура ценой собственного достоинства и свободы. Но я знала, что если подпишу, он заберет всё. Абсолютно всё. Даже право видеть сына.

Я стерла номер. Выключила телефон. И впервые за эти годы я не заплакала. Слёзы закончились где-то в темноте между станциями. Вместо них пришло другое чувство. Холодное, металлическое, тяжелое. Ярость.

Когда свет наконец вернулся, поезд медленно тронулся. Вагон ожил. Люди потянулись к чайникам, доставали бутерброды, включали телефоны. Я же сидела неподвижно, глядя на свои руки. Они дрожали не от холода, а от напряжения.

В кармане куртки Артёма, которую он заставил меня надеть вместо моего старого пальто, я нашла что-то твердое. Раньше я не заметила. Я достала сложенную вдвое бумагу. Записка.

Почерк был резкий, угловатый. Стиль человека, привыкшего отдавать приказы.

«Врач Иван Петрович, ул. Ленина 15, пос. Таёжный. Предупреждён. Денежные средства зашиты в подкладке правого внутреннего кармана. 50 000 руб. Хватит на лечение и первую неделю аренды дома.

P.S. Посмотри на фото ниже. Это твой враг. Не бойся его. Зли его.»

Под запиской лежала маленькая фотография. Распечатанная на принтере, зернистая, но отчетливая. Дмитрий. Он стоит в дорогом ресторане, обнимая Кристину. Она смеется, запрокинув голову, прижимаясь к нему всем телом. Живот под её платьем округлился. Она ждала ребёнка.

Дата на обороте фотографии: вчера.

Они праздновали свою новую жизнь. В ту ночь Дмитрий ещё только собирался вышвырнуть нас с сыном на мороз.

Я перевернула фотографию. Смотрела на их лица, на их радость, на мою нищету. Потом посмотрела на Тимура. Он спал, тяжело дыша, но лицо его немного расслабилось.

Артём.

Он не просто отправил нас в ссылку. Он подготовил всё заранее. Он предусмотрел дорогу и врача, но записку я нашла слишком поздно. Он дал мне инструменты выживания, но забрал право жаловаться. Хотелось спросить его: почему не сказал про деньги сразу? Мы просили воду, пока они лежали у меня в кармане. Я смяла край записки и снова развернула её. Адрес врача. Сейчас мне нужен адрес.

Я коснулась рукой подкладки кармана. Пальцы наткнулись на плотный шов. Внутри лежали деньги. Жизнь Тимура. Цена моего молчания.

Поезд замедлил ход, приближаясь к конечной станции. За окном мелькали огни поселка. Глухая тайга, снег, темнота. Место, где заканчивается цивилизация и начинается борьба.

Я взяла свой билет обратно в город. Тот самый, который Артём не отменил, оставляя мне иллюзию выбора. Я держала его в руках, чувствуя тонкую бумагу. Обратный путь. Безопасность. Стыд. Возвращение к Дмитрию на коленях.

Глава 4

Я порвала билет пополам. Потом еще раз. И еще. Обрывки упали на пол.

Когда поезд остановился, я вышла на перрон первой. Мороз ударил в лицо, но я не почувствовала холода. Во мне горел огонь. Маленький, злой, расчетливый.

Я посмотрела на темное отверстие ближайшего мусорного бака, куда обычно кидают использованные пакеты и бутылки.

Бросила туда последние клочки бумаги.

Обратного пути больше нет.

Теперь — только вперёд. И в этом направлении меня ведет человек, который знает обо мне больше, чем я сама.

Поезд уходил, выдыхая пар, а мы остались на перроне — как мусорный мешок, от которого наконец избавились. Ветер тут же залез под куртку, облизал поясницу ледяным языком. Тимур засопел мне в шею, его щёки горели огнём, а тело было рыхлым, неестественно горячим. Я прижала его к себе крепче, чувствуя, как под пальцами пружинит его спина — слишком тонкая, слишком хрупкая для пятилетнего мальчика.

— Может, бабушка что-то оставила, — прошептала я, скорее себе, чем ему. Адрес врача был в записке, но до него ещё нужно добраться. А бабушкин дом я знала: там можно укутать Тимура, отогреть его хотя бы на несколько минут. Я цеплялась за старую привычку, словно он всё ещё был нашим. Голос дрогнул, сорвался на визг. Нужно было идти. Ноги гудели от долгого сидения, но каждый шаг отдавал болью в коленях. Деревянный домик бабушки стоял в самом конце посёлка, за покосившимися заборами. Я знала этот путь наизусть ещё со школьных каникул. Казалось, до него рукой подать.

Бабушкин ключ остался у меня в кармане, отдельно от квартирных, которые забрал Дмитрий. Холодный металл лип к пальцам. Я сунула его в скважину, повернула с усилием, ожидая привычного скрипа петель. Дверь открылась легко, слишком легко. Внутри пахло сыростью, плесенью и выветрившимся табаком — запахом пустоты. Ни ковров, ни старой мебели, ни даже стульев. Только голые стены, облупившаяся краска и слой пыли на полу, который никто не топтал неделями.

На подоконнике лежал лист бумаги. Я схватила его трясущимися руками. «Продано в счёт долгов ООО „ДомСтрой“. Срок выселения истёк». Подпись риелтора была размашистой, уверенной. Дмитрий. Он продал её дом. Дом моей бабушки, где я плакала от счастья после первого свидания с ним, он превратил в деньги, чтобы покрыть свои капризы или долги перед той шлюхой.

В горле встал ком, такой плотный, что хотелось выплюнуть его вместе с лёгкими. Усадив Тимура на чемодан и придерживая его коленом, начала лихорадочно шарить по углам. Может, она оставила заначку? В тайниках, о которых знали только мы вдвоём? Я переворачивала доски пола, рыла в щелях между брёвнами, царапала ногти о шершавую древесину. Пусто. Ничего. Только паутина и холодное дыхание сквозняков.

Я подхватила Тимура с чемодана. Он дёрнулся у меня на руках; тело стало тяжёлым, вялым.

— Ма... холодно... — проскулил он, и голос его был слабым, как писк мыши.

Я потрогала его лоб. Обожгла руку. Температура была такой высокой, что кожа сына казалась сухой и горячей, как раскалённый камень. Глаза закатились, веки затрепетали.

— Тимур! Тимур, держись! — я хлопнула его по щекам, но он не реагировал. Сознание уплывало от него, утягивая в темноту.

Оставаться здесь означало убить его. Медленно, в этой ледяной коробке без отопления. Трубы уже лопнули; под ними на полу застыли грязные наплывы льда. Нужно было выбираться.

Любой ценой. Я подняла чемодан одной рукой, второй поддерживая бесчувственного сына. Колени подогнулись, но я заставила себя встать. На первом шаге меня качнуло. Подтянула сына выше: только бы донести до врача, потом можно упасть.

Я вышла наружу, споткнувшись о порог. На крыльце курил какой-то мужик в телогрейке. Он обернулся, увидев меня с ребёнком и чемоданом, и сморщился, будто увидел живого таракана.

— Эй, ты чего тут расселась? — грубо бросил он, стряхивая пепел прямо в снег.

— Пожалуйста, телефон... — хрипло попросила я, подходя ближе. Тимур висел на мне мёртвым грузом. — Ребёнок умирает. Помогите найти врача. Или хотя бы позвоните.

Мужик отшатнулся, прикрывая лицо рукавом.

— Бродяги. Не пачкай мне двор своим дерьмом. Уходи, пока я собак не кликнул.

— Мне нужна вода! Хотя бы тёплая! — взмолилась я, чувствуя, как слёзы замерзают на ресницах. Я уже просила громко, при всех, и ждала, пока он ответит, не вытирая мокрого лица.

Он сплюнул мне под ноги. Золотистая струйка пара растаяла в воздухе. Потом развернулся и захлопнул дверь перед моим носом. Замок щёлкнул, как выстрел.

Я осталась одна. Ветер выл, вырывая из лёгких последние остатки тепла. Тимур начал судорожно дёргаться, его губы посинели. Я побежала. Или пыталась бежать. Чемодан тянул вниз, увлекая в сугробы. Ноги промокли мгновенно, пальцы окоченели, потеряли чувствительность. Каждый шаг давался с хрустом льда под подошвами.

Снег становился глубже, превращаясь в вязкую кашу. Я упала. Колено ударилось о скрытый под сугробом камень, боль пронзила ногу до самого бедра. Чемодан отлетел в сторону. Я лежала, глядя в серое небо, и понимала: я не встану. Силы кончились. Тело отказывалось служить разуму.

Но сын. Он был рядом, на груди. Я перевернулась, накрыла его своим телом, став живым щитом против ветра. Ползла. Локтями, ногтями, зубами. Цеплялась за торчащие из сугроба ветки, за лёд, за всё, что попадалось под руки. Каждые пять метров стоили мне нового приступа агонии.

Перед глазами поплыли чёрные пятна. Я видела силуэт здания вокзала. Маленькое, невзрачное строение из кирпича. Там тепло. Там люди. Там спасение.

Я доползла до ступеней. Руки дрожали так, что я не могла ухватиться за перила. Подтянулась вверх, рухнула лицом в снег у двери.

Подняла голову. И сердце оборвалось.

Вход был закрыт. Наглухо. Двери заварены железными полосами, окна заколочены досками. Ржавые таблички: «Ремонт», «Закрыто». Тишина вокзала была оглушающей. Ни одного огонька. Ни одного голоса. Мы были брошены. Отрезаны от мира.

Я ударила кулаком в железную дверь. Ещё раз. Ещё. Крик вырвался из меня сам собой, дикий, звериный.

— Откройте! Пожалуйста! Мой сын умирает!

Эхо вернулось мне пустотой. Никто не слышал. Никто не видел. Минус тридцать градусов снаружи. И абсолютное равнодушие внутри.

Воздух в Таёжном не просто холодный — он живой, хищный. Он лезет под куртку, впивается в ноздри, обжигает легкие так, что каждый вдох отдается скрипом зубов. Я кое-как поднялась на ноги, прижимая к себе Тимку, и чувствовала, как его тело становится тяжелым и чужим. Жар, который час назад палил изнутри, сменился липким холодом. Конечности сына деревенели, а дыхание стало прерывистым, хриплым, будто кто-то зажимал ему горло мокрым полотенцем.

— Мама… холодно, — прошептал он. Голос был тонким, как натянутая струна перед разрывом.

Попыталась растереть ему ноги через ткань штанов, но пальцы мои уже не слушались. Они превратились в бесчувственные крючья. Вокруг собирались местные мужики. Они курили, пуская дым в серое небо, и смотрели на меня с тем особенным, таёжным равнодушием, которое хуже любой злобы. Для них я была просто городской сумасшедшей дамой, потерявшей рассудок вместе с деньгами. Никто не предложил помощи. Никто даже не спросил, нужна ли она.

Тимур начал задыхаться. Его глаза закатились, губы посинели. Паника, густая и удушающая, поднялась в моей груди, перехватывая горло. Физическое тепло не спасало — нужны были лекарства. Нужен был врач.

Сбоку от заколоченного входа заметила дверь дежурки и рванулась к ней, толкнув плечом. Внутри было темно, пахло пылью и старым табаком. За стойкой сидел грузный мужчина в форменной фуражке, скроенной явно не по размеру головы. Он поднял мутные глаза от журнала и тут же поморщился, увидев меня.

— Вы куда? Без билета нельзя, — буркнул он, не вставая.

— Мой сын умирает! — крикнула я, чувствуя, как срывается голос. — Дайте воды! Позвольте сесть!

Дежурный встал и блокировал выход своим массивным телом. Его лицо выражало не сочувствие, а раздражение от нарушения тишины.

— Инструкция, гражданка. На улице. Не хватало мне ещё ответственности за вашего бродячего ребёнка.

Он грубо оттолкнул меня ладонью в грудь, выталкивая обратно на мороз. Я споткнулась о порог, едва не упав, но инстинкт матери удержал равновесие. Сзади послышался плачущий звук — Тимур терял сознание.

Злость, черная и жгучая, вспыхнула во мне ярче любого огня. Если они не пускают нас внутрь, пусть узнают обо всем. Пусть этот чиновник испугается скандала больше, чем нарушенного приказа.

— Помогите! — заорала я так, что в висках заложило. — Ребёнок задыхается! Полиция! Скорая!

Мужики на перроне замолчали, повернув головы. Дежурный побледнел, его уверенность трещала по швам. Он оглянулся, проверяя, нет ли свидетелей или камер. Именно в этот момент моя сумка, которую я несла на плече, лопнула по шву.

Бумажники, документы, мелочь и несколько купюр высыпались прямо в грязную снежную кашу у ног дежурного. Деньги, которые я в поезде вытащила из подкладки, теперь валялись в жиже. В записке была сумма, которой хватило бы на лечение. Я ещё ничего из неё не потратила, а уже могла потерять всё.

Проходящие мимо подростки в спортивных костюмах замерли. Один из них, рыжий и наглый, пнул банкноту носком кроссовка, загнав её глубже в снег.

— Старуха, ты чего рассыпала? Бедность заразна? — хохотнул он.

Другой засмеялся, подхватывая одну купюру и делая вид, что хочет её забрать. Унижение разлилось по моему телу горячей волной, смешиваясь с холодом. Уложила Тимура на скамейку у двери и опустилась на четвереньки. Прямо в ледяную жижу, прямо на колени. Мне было плевать на зрителей. Плевать на стыд. Ползла, собирая деньги окоченевшими пальцами, пока дети смеялись над моим падением. Несколько мокрых купюр сунула обратно в сумку. Остальные ещё нужно было выгрести из снега.

И тогда я увидела движение.

Глава 5

В тени ангара, среди зарослей бурьяна, мелькнули желтые глаза. Огромный черный пес вышел на свет. Он хромал, оставляя на белом снегу багровые следы крови. Его шерсть была взъерошена, челюсти обнажены в беззвучном рыке. За ним шли двое мужчин в камуфляже — местные охотники. В руках у одного был арбалет, заряженный стрелой.

— Стой, тварь! — крикнул охотник. — Шкура добрая, живого не выпустим.

Пес прижался к стене ангара, загнанный в угол. Он был опасен, готов рвать всё вокруг, но страха в его глазах было больше, чем агрессии. Это было зеркальное отражение моего собственного ужаса. Загнанное существо, ожидающее удара.

Я посмотрела на сына, лежавшего на скамейке у двери, и на стрелу. Если охотник промахнётся, она полетит к скамейке. Деньги остались в снегу.

Рывком я встала и метнулась между псом и охотниками. Раскинула руки, словно щит.

— Не стреляйте! — мой голос сорвался на визг.

Охотники замерли. Стрелять через человека — нарушение правил охоты и верный способ попасть в полицию. Они переглянулись, оценивая ситуацию. Рыжий подросток перестал смеяться. Тишина стала плотной, осязаемой.

— Уйди, женщина, — прошипел один из охотников. — Это зверь. Он тебя порвет.

Пес действительно зарычал, но не бросился на меня. Он следил за арбалетом, прижимая уши. Пока я стояла между ним и стрелой, он оставался на месте. Я стояла, дрожа от холода и адреналина, глядя в глаза животного. Пёс прижал уши ещё плотнее. Я тоже ждала, когда охотник опустит арбалет, боясь отвести от него глаза.

Охотник попытался шагнуть в сторону, и я шагнула вслед за ним. При людях он не решился нажать на спуск. — Дура, — бросил он и опустил арбалет. Они развернулись и ушли в темноту, хлопнув дверью ангара.

Пес рухнул на снег, тяжело дыша. Кровь текла из раны на боку.

Сзади послышался шум мотора. Фары вырвали из темноты фигуру человека, идущего ко мне. Потом вторую. Охранники лесопарка. Или местные патрульные. Они шли медленно, оценивающе, как волки подходят к раненому зверю.

— Ты чего тут воешь? — первый охранник, здоровый детина с нашивкой «СБ», навис надо мной. Второй держал в руке фонарь, свет бил в глаза, ослепляя.

— Ребёнок... врач... — прохрипела я, пытаясь прикрыть Тимура собой.

— Документы показывай. Чья такая? Где родители? — детина грубо схватил меня за запястье. Его пальцы впивались в кожу, оставляя синяки. Он потянул сумку, висевшую на плече.

Неизвестность пугала меньше, чем физическая угроза сыну. Инстинкт взял верх над страхом. Я дёрнулась, освободила руку и ударила охранника в челюсть. Кулак попал в скулу, глухо, но ощутимо.

Тишина повисла на секунду. А потом детина зарычал, доставая рацию.

— Пост один, вызов! Здесь буйная баба с пацаном! Возможно, наркоманка! Придержите её!

Он схватил меня за волосы, откидывая назад. Боль была такой острой, что мир сузился до точки. Второй охранник подходил ближе, готовясь связать руки. Я смотрела на них затравленным взглядом загнанного животного. Всё кончено. Меня арестуют, ребёнка заберут в интернат, а я сяду за нападение на сотрудника. Дмитрий победил. Даже из своей квартиры, он добрался до меня через эту глушь.

И тогда из тени ангара вышел третий человек.

Высокий, в длинном чёрном бушлате. Он не спешил. Шёл неторопливо, постукивая тростью по замёрзшему асфальту. Охранники замерли, увидев его. Один из них даже отвёл взгляд, опустив голову.

Артём.

Он остановился в паре шагов от меня. Его лицо было высечено из камня, лишённое эмоций. Глаза, тёмные и глубокие, скользнули по моему лицу, затем по Тимуру, затем по охраннику, всё ещё державшему мои волосы.

— Отпусти её, — сказал Артём тихо. Голос был ровным, но в нём звучал такой металл, что охранник отдёрнул руку, будто обжёгся.

Детина попятился, пробормотав извинения, и отошёл в сторону, пряча рацию.

Артём наклонился ко мне. Запах его одеколона — древесный, терпкий, смешанный с холодом зимней ночи — заполнил пространство вокруг. Опасность сменила вектор. Теперь угроза исходила не от мороза, а от этого человека, который стал моим единственным спасителем и одновременно самым страшным врагом.

— Это ты та бухгалтерша, которая украла у Дмитрия архив? — спросил он, глядя мне прямо в зрачки.

Я молчала. Слова застряли в горле. Архив. Вот зачем он привёз меня сюда. Я глянула на охранника, который послушно отошёл по его слову. Если Артём велит ему вернуть меня к Дмитрию, он вернёт.

— Почему молчишь? — Артём выпрямился, расправил плечи. — Дмитрий ищет тебя. Он хочет забрать сына. Считает, что ты плохая мать. Что ты угрожала жизни ребёнка. Знаешь, сколько стоит его слово в суде? А вот то, что есть у тебя в голове... это стоит больше всех его денег.

Он посмотрел на Тимура, который лежал на скамейке, дыша поверхностно и часто.

— Сын умрёт через час, если ты не встанешь.

Я попыталась подняться, но ноги не слушались. Артём не помог мне. Он просто ждал. Оценивал мою волю к жизни. Оценивал мою способность быть полезной.

— Если твой бывший узнает, где ты, — продолжил он, понижая голос до шёпота, который резал уши сильнее крика, — я сам напишу ему адрес. Выбирай: мёрзнуть здесь и потерять всё, или идти со мной.

Артём снял свой тёплый бушлат. Тяжёлая ткань легла на мои плечи, окутывая теплом, которого я давно не чувствовала. Тепло было чужим, пахло табаком и опасностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.